

Александр БАЛТИН

Сказки

СТРАНА, КОТОРАЯ ВЕЗДЕ И НИГДЕ

Парящие дома — как это? А очень просто — ведь это страна волшебников. Не бывали в ней? Да, в неё непросто найти дорогу, но если вас ведёт фантазия...

Дом парил — на широком куске почвы, края которого были неровными. Волшебник сидел на краю, свесив ножки и болтая ими, и ждал другого. Отчего одному волшебнику всегда скучно?

Волшебство приедается и перестаёт радовать.

— Эй, Нут, — слышалось. — Ты ещё ждёшь меня?

— Конечно, Нут, — отвечал Нут, продолжая болтать ногами. — Только, если не сложно — проявись.

Нут возник рядом с Нутом, и они поприветствовали друг друга.

— Пойдём в дом, — предложил хозяин. — А то он устал парить без чаепития.

Они вошли в дом, и тот загорелся радостным розовым цветом.

— С чем будем пить чай? — спросил Нут.

— С цуккарными бестиками, — ответил Нут.

Он щёлкнул пальцами, и они выскочили — бестики — из изразцового буфета, выскочили, побежали врассыпную, преследуя чайник и чашки.

Да-да, именно так — врассыпную и преследуя.

— Ладно, когда догоните — скажите, — крикнул им вдогонку Нут. — А мы пока попьём чаю.

И они сели пить чай. Без чайника, заварки, кипятка... Это же был волшебный чай.

Они пили с удовольствием, слегка пьянея от него, радостно отфыркивались.

— Ну как? — спросил Нут.

— Ну так, — ответил Нут.

— А кто из нас вообще хозяин дома? — спросил Нут.

— Поди догадайся, — ответил Нут.

— Предлагаю, — сказал Нут, — убрать последние буквы из наших фамилий, и тогда дом сможет считать хозяином любого из нас.

— Ты не против, дом? — спросил пока ещё Нут.

— Не-а, — слышалось.

И они убрали последние буквы.

Те — «г» и «т» — поскакали и почти что столкнулись с вернувшимися из рассыпной бестиками. Бестики, узнав о произошедших изменениях, посмеялись и попрыгали назад, в изразцовый буфет. А волшебники продолжили пить чай.

Иногда дома волшебников спускаются на землю — чаще всего около водоёмов, и бывает это, когда волшебникам приходит охота половить рыбку.

Вот Игрек — так он любит себя называть — выходит из домика, сахарного и пряничного, чтобы вкусней было, — и щёлкает пальцами. Тут же из воды выскакивает рыба. И плюхается назад — в воду.

— Так не пойдёт, — говорит Игрек. — Давай-ка иначе, — он вновь щёлкает пальцами — но уже с перебором — и рыба, выпрыгнув из воды, зависает в воздухе. — Разве ты не знаешь, что я приземлился ради рыбалки? — спрашивает Игрек.

— Не-а, — отвечает рыба, помахивая хвостом. Лопушистые брызги падают Игреку на лицо. — А ты разве не знаешь, что рыбы против рыбалки?

— Но — это же волшебная рыбалка! — говорит Игрек. — То есть, когда я щёлкаю пальцами — ты зависаешь в воздухе, и мы пьём с тобой чай. А потом расходимся.

— И всё? — спросила рыба.

— Всё, — ответил Игрек, вызывая сказочные чашки.

Чашки плыли по воздуху, самонаполненные чаем.

— Я вообще-то не очень люблю чай, — сказала рыба, зевая.

— Ну ладно уж, выпей, — сказал Игрек. Рыба, поймав чашку хвостом, опрокинула её в пасть и снова зевнула. Чашка уплыла.

— Если это вся рыбалка, — сказала рыба, — я, пожалуй, пойду. Вернее, поплыву.

— Давай, — охотно согласился Игрек, допивая свой чай. И рыба плюхнулась в воду.

— Что надо сказать? — спросил дом.

— Ах, да. Рыбалка удалась, — произнёс Игрек.

Вообще волшебники очень любят пить чай. Он бывает травный и камышовый, рыбный и воздушный, малиново-пюрешный, креветочный...

— Стой, стой, — креветки высунули из воды усики. — Никакого креветочного чая не бывает.

— Ладно, — сказал волшебник, рассказывавший воздуху о любви волшебников к чаю. — Пускай креветочного не бывает, а веточный — точно.

Веточки у его домика, зависшего над рощицей, зашевелились. Воздух молчал. Он пил воздушный чай. Креветки укатились восвояси — все креветки, видя волшебников, начинают кататься на подводных лыжах. Вот они и укатились. А веточки охотно тряхнули листиками — и получился веточный чай.

— Какого только чая не бывает, — сказал безымянный волшебник воздуху.

Тот молчал. Он увлёкся воздушным чаем.

Собственно, все волшебники безымянны. Зачем им имена? Имена — скучная определённость. А волшебники могут именоваться, как хотят.

— Я, например, Икс, — сказал один, отпуская домик попасть на воздушных лугах. Он видел, как домик, смешавшись с небесными коровами, пасся, и травка была явно сочной, ибо домик выглядел довольным. — Икс, — повторил он. — То есть моё место в уравнении.

— Точно? — переспросило уравнение, появляясь в воздухе. — В уравнении, а не в муравейнике?

— Нет, в муравейнике мне абсолютно нечего делать, — ответил Икс.

— Ну, тогда добро пожаловать, — сказала уравнение. И он пожаловал.

Они немножко поиграли в решения, потом отпустили и их пастись.

— Раз уж такая свежая травка, — сказал Икс.

А сам он сел с уравнением — естественно, за чай.

Дома парят изящно, посверкивая крылечками, переставляя лесенки. Бывают дома потолще и потоньше, повыше и пониже...

— Э-э-э, — послышалось, — Пониже — это я, меня так зовут.

— Как-как? — переспросил кто-то.

— Как-как, — передразнил волшебник, — Пониже. Мне нравится это слово, и я выбрал его в качестве имени.

— Ладно, — отвечал неизвестно кто, — пускай... Но зато дома бывают с колоннами и без.

— Даже без говорящих колонн бывают.

— А бывают с говорящими?

— А то. Правда, я не слышал...

У волшебников часто так — кто-то с кем-то говорит, а кто — не поймёшь.

И воздух вечно занят своим воздушным чаем. В общем, весело тут.

Одному из волшебников пришло в голову чеканить монеты из осенней листвы.

Монеты получались волшебные — лёгкие и воздушные, они обещали...

— Эй-эй, — сказала, вспорхнув, одна монета. — Я, например, ничего никому не обещала, — и улетела себе.

— Зачем тебе монеты? — спрашивали приятели этого волшебника за чаем.

— Так просто, — отвечал он, подливая гостям вересковый. — Красивые получаются.

Монеты парили рядами вдоль стен, переливаясь и посверкивая.

— Вот, хотите на память? — предложил волшебник приятелям.

— А мы не для памяти, — воскликнули монеты и разлетелись.

Волшебники стали ловить их, но потом махнули рукой (вернее, руками) и вернулись к чаю. А монеты ещё долго наполняли собой воздух, конкурируя с листвой.

Да, у волшебников всё так же — зима, весна, лето, осень. Только зимою цветёт сирень — красивого, кипенного цвета, а летом нередок снег — сиреневый, конечно. А осенью и весной сады — тоже парящие, разумеется — полыхают цветными кострами в маленькой, волшебной стране, которая везде — и нигде.

Так что — не ищите, всё равно не найдёте.

Лучше спросите фантазию — как и что, и она вам подскажет.

СКАЗКИ ГОРНОГО КОРОЛЯ

Горный король очень любил рассказывать сказки. Это был старый, седобородый король, давно не знавший, кто относится к его подданным, кто нет. Он был рад, даже если собирались слушать горные белки.

— Вот, — начинал он, — вы не знаете, наверно, что ваш род идёт от пушистой ветки, — и король лукаво улыбался. Белки качали головами, головы у горных белок крупнее, чем у белок лесных, обычных. — Некогда, — продолжал король, — росла пушистая ветка. Вы спросите — как? Она росла просто — без ствола, без сучьев, сама по себе. Она росла на склоне горы и была одинокой-одинокой.

— Как ты? — спрашивали белки.

— Как я, — подтверждал король. — И тогда, — продолжал он, — она подумала, а как бы сделать так... В общем, ей захотелось произвести маленьких, пушистых существ.

— Как мы? — спрашивали белки.

— Именно, — подтверждал король. — Она долго ждала подходящего ветра. И вот, когда случился соответствующий порыв, она разорвала свои пушинки. Пушинки, легко касаясь земли, превращались в маленьких бельчат, а из них потом вырастали белки. И вот — вы есть.

И белки, обладая теперь знанием своей истории, разбежались. А король принимался ждать новых слушателей. Они приходили. Это могли быть... Тролли, к примеру.

— Почему мы такие? — спрашивали они короля.

— Вы могли бы быть другими, — отвечал он. — Но — я не помню почти уже тех времён — далёкий ваш предшественник оскорбил фею Осбору. Она была доброй вообще-то, но тут рассердилась почему-то.

— А что — феи никогда не сердятся? — спрашивали тролли.

— Вообще-то нет. Но Осбора рассердилась. И заколдовала ваш народец. Она сделала так, что пока все тролли не станут добрыми и ласковыми, носить им эти личины.

И тролли принимались разглядывать друг друга. Они были довольно уродливы — все в наростах, пупырьках...

— Что ж нам теперь — искать Осбору?

— Зачем? — улыбался король. — Просто становиться добрыми и ласковыми.

И тролли — уходили — становиться добрыми и ласковыми.

Однажды к горному королю пришёл рыцарь. Он был — как и полагается рыцарю — в латах, с копьём и щитом.

— Ты хотел послушать сказку? — спросил король.

— Нет, — ответил рыцарь. — Я хотел убедиться, что ты существуешь на свете.

— Почему моё существование вызывает у тебя сомненья?

— Потому, что тот, кто рассказывает сказки, сам становится сказочным персонажем.

— А ты знаешь, к примеру, историю своих лат?

— Никакой истории нет, — отвечал рыцарь. — Просто я купил их.

— Э, нет, — отвечал король. — Они были рудой. Долго-долго — века, о которых ни ты, ни я не имеем представления. А потом им скучно стало — и вот они вышли жилой на свет и попали в руки мастера. А далее мастер, разбудив душу в этой жиле, выплавил из неё металл, и, играя и сверкая под его руками, металл обратился в твой щит.

— Да, — покачал головой рыцарь, — а копьё, наверно...

— Точно так, — отвечал король, — копьё соскочило со ствола, выпрямилось и, получив весть в виде острия, попало к тебе.

— Теперь я убедился, что ты не существуешь, — сказал рыцарь. — Ибо разве может реально существующий человек верить в то, что...

— Конечно, — подтвердил король. — Я не существую. Как не существуют облака и горы, когда ты их не видишь.

И рыцарь, покачав головой, отправился по своим делам.

А к королю спустилось облачко — нежно-молочное, с курчавыми краями.

— И я есть в твоих сказках, король? — спросило оно.

— Конечно, — отвечал король.

— И... как же?

— Очень просто, — как всегда улыбнувшись, заговорил король. — Жила-была некогда горная белка — тихая и маленькая. Она отличалась от прочих горных белок — ибо была белого цвета. Белки — как тебе известно — хоть и называются белками — но имеют совсем не белый цвет. Эта же была белой, молочно-белой, и курчавой. Отчего я такая? — думала она. Отличаться от других совсем не просто, ибо эти другие будут удивлены, что ты не похож на них, и от удивления могут не взять тебя в компанию. И действительно — белочку не брали. Сначала она переживала, но потом привыкла к одиночеству, полагая, что так тому и быть. Она привыкла жить одна, и ей это неплохо удавалось. Но однажды она взглянула на небеса и увидела облака. Вон мои родственники! — поняла белочка. Она легко подпрыгнула и полетела. Другие белки, видевшие это, покрутили лапками у головок — мол, ненормальная какая-то. А белочка летела — и была совершенно счастлива. Потом она стала облачком, то есть тобой, и поняла, что небо и есть её родная страна.

— Значит, я, — спросило облачко, — прошлая белка?

— Почему прошлая, — улыбнулся король. — Разве ты не можешь сделаться похожим на белочку?

— Вполне, — улыбнулось облачко ответно.

Оно стало похожим на белую белочку — и отправилось восвояси.

А король услышал:

— Всегда интересовалась, что такое свояси.

— Свояси, — отвечал король неизвестно кому, — у всех бывают разные. У меня одни, у тебя другие. Ты, кстати, кто?

— Не знаю, — услышался голос. — Сперва думалось, что я козявка. Но козявки совершенно не такие. Потом мне казалось, что я — говорящий камешек. Но таких просто не бывает. Так что я не знаю, кто я...

— Раз неизвестно кто, тогда, может быть, известно откуда?

— А, это известно, — голос был мягок и тонок. — Я выпала из твоих сказок. Или выпал, не знаю, как будет правильно.

— Тогда, — предположил король, — может быть, ты хочешь назад?

Молчание повисло, мерцая серебряно.

— Пожалуй, — услышался ответ.

— Только... — протянул король, — я и сам не помню своих сказок...

— Это ничего, — прозвучало в ответ. — Представь мысленно сказку про белочек, я и прыгну в неё.

Так и сделали. Король хотел поинтересоваться, как там, да сообразил, что интересоваться теперь не у кого.

Куст возле него зашевелился.

— Ты хочешь послушать сказку? — спросил король.

— Я сам кому хочешь расскажу, — ответил куст, помахивая веточками, как лапками. — Я ведь сказочный куст.

— Тогда почему же ты растёшь в яви?

— А я и такой, и такой. Сказочный и настоящий.

— Пожалуй, — предположил король, — нам будет неинтересно с тобою. Раз мы так похожи.

— Почему похожи? — возразил куст. — Как, например, ты видишь вон то облако?

— Я вижу его похожим на короля.

— А я — на куст.

И куст засмеялся. Вернее, издал своеобразный звук, вполне сошедший за смех.

Король подумал: чего только не бывает на свете: говорящие кусты, странные рыцари, разговаривающие облака.

— Ты ещё про меня забыл, — услышалось.

— Надеюсь, — сказал король, — ты знаешь, кто ты.

— Ещё бы. Я камень. Вот я лежу у твоих ног и умею читать мысли. Ты ж думал — чего только не бывает, а про меня забыл.

— Не хочешь ли...

— Нет-нет, спасибо, — отвечал камень вежливо. — Я сам знаю много сказок. Ведь они у тебя как мысли, а я умею их читать.

— Тогда зачем же ты вступил в разговор?

— Просто чтобы ты меня не забыл.

— Теперь не забуду, — пообещал король. И камень замолчал.

А король стал ждать новых слушателей для своих коротеньких-коротеньких сказок...

МАВА В СКАЗОЧНОМ ЛЕСУ

— Ну, что у вас тут интересенького — в сказочном лесу? — спросила неизвестно кого, озираясь, Мава.

— Неизвестно кот! — ответил неизвестно кто.

— Кот-кто? — переспросила Мава, облизываясь, думая — может, это нечто съедобное?

Неизвестно кот шмякнулся с дерева, где ловил бабочек, которые превращались в мышек.

— В мышек? — переспросила Мава, увидев розоватое облачко последнего слова.

— Уж ясно — не в пышек! — ответил неизвестно кот, высовывая красненький язычок.

Они шли некоторое время по дорожке, протоптанной...

— Широкая дорожка, — сказала Мава. — Наверно, слон пробежал.

Из жидкого куста вынырнул гном, сообщив:

— Нету тут слонов!

Куст качался, плавал в самом себе, роняя капли.

Неизвестно кот и Мава шли дальше. Три капельки скакали за ними по дорожке. Две прицепились к хвосту Мавы, одна — к лапке кота, после чего тот убежал, подпрыгивая и рессоря. Из-за толстого дуба выкатилось колесо.

— Ты от кота? — спросила Мава.

— Угу, — отвечало колесо пустым внутренним кругом и покатило искать...

— Поди, слона, — сказала Мава вслух. Очень ей хотелось повидать такого большого, серого... — Ой! — воскликнула она: в воздухе висел, сгибаясь и вытягиваясь, хобот. — Можно потрогать? — спросила Мава, подпрыгивая, и капельки затеребили её хвост.

— Вот ещё, — недовольно ответил хвост и улетел: он поднимался выше дубов, елей, сосен, пока вовсе не растворился в воздухе.

— И ладно! — сказала Мава самой себе. — Всё равно: хороший лес!

Грибы, раскрывая выпуклые глазки, хотели подтвердить, но не могли: рты у них не открывались. Да их и не было.

А упорная Мава продолжала путь, надеясь на слона...

— Ты длинная или короткая? — спросил у Мавы свешивающийся с дерева пушистый хвост. Мава поглядела на него — он покачивался, блестел, переливался, и каждая пушинка его блестела на солнце. Мава оглядела себя.

— Я пушистая, — сказала она. — А ты какой?

— Я сам не знаю, какой, — послышался вздох. Это был грустный вздох.

— Ты, наверно, грустный, — предположила Мава.

— Ага, — раздался ответ. — Висю тут... или вишу? Нахожусь, в общем, — и не знаю толком, кто я и откуда.

Мава тоже вздохнула в ответ и вдруг почувствовала себя обделённой. Она оглядела себя — пушистая, как и раньше, лапки такие же аккуратные, небольшие, а задние, на которых она и ходила, покрупнее, с коготками. Но... чего же не хватает?

— А откуда ты здесь взялся? — спросила она.

— Да вот... Что-то теребило меня, дёргало, прыгало, и... пришлось отвалиться, но валяться на дорожке скучно, и я поднялся сюда. Может, кого встречу.

И тут Маву осенило — у неё не хватало хвоста: её роскошного, пушистого, великолепно-яркого, любимого хвоста. Ну, конечно!

— Ну, конечно же, — воскликнула Мава. — Ты же мой хвост! — он востепенулся, изобразил изящную дугу — то есть улыбку. — А теребили тебя капельки, сорвавшиеся с жидкого куста!

— Точно! — обрадовался хвост. — Как всё объяснилось-то! Тогда — я возвращаюсь.

— Непременно!

И хвост, точно своеобразная птичка, слетел вниз и аккуратно пристроился к задней части Мавы. Мава оглядела его — такой же красивый.

— Тебе удобно? — спросила она. Но хвост не отвечал: вернувшись на место, он потерял дар речи. — И чудесно, — подытожила Мава. — Хвост и не должен разговаривать.

И двинулась дальше, радуясь воссоединению с хвостом.

Сначала из-за куста (не жидкого, обычного) высунулись три уха, потом — показался заяц. Мава остановилась. Заяц выбрался целиком и поглядел на Маву.

— Не кусаешься? — осведомился он: но не испуганно, а довольно важно.

— Чегой-то я кусаться буду? Нет, я могу, естественно, откусить от груши или яблока, но ты ведь не они.

— Может, я — яблочный заяц, — предположил заяц.

— А ты яблочный?

— Ну, тогда грушевый...

— По-моему, ты — обычный заяц. Только у тебя почему-то три уха.

Заяц пошевелил всеми сразу.

— Надо же, заметно, — произнёс он. — Дело в том, что это внутреннее ухо, и его не должно, по идее, быть видно.

— А зачем оно тебе?

— Чтобы слышать то, чего слышать не положено.

— Как так?

— Так, — произнёс заяц важно. — Например, слышал я, как твой хвост отвалился, потому что его теребили капельки. Слышал даже, как они отскочили, когда вы воссоединились, и побежали — попрыгали, вернее — в своём направлении.

Тут ухо — третье ухо зайца — точно растаяло.

— Ой, — воскликнула Мава. — Оно пропало!

— Правда? — переспросил заяц и пошевелил двумя. Тотчас возникло и третье: сначала зыбко, а потом конкретно, закономерно. — Ещё я слышал, как вы разговаривали с хвостом. Прежде чем воссоединиться.

Ухо снова побледнело и исчезло. Мава смотрела удивлённо.

— Что такое? — спросил заяц.

— Ухо твоё... О! Я поняла: когда ты рассказываешь о том, что слышал, оно делается невидимым, а когда молчишь — появляется снова.

— Да? А ведь ты права. Всё же интересно встречаться с новыми — узнаёшь про себя нечто такое...

— А ты не видел слона? — поинтересовалась Мава.

— Ну, тебе же ответил гном — здесь нету слонов.

— Жаль, — сказала Мава. — Я бы посмотрела на одного. А ты чем занимаешься? Может, пойдём вместе?

— Не могу, — сообщил заяц, но совсем не разочарованно. — Я должен сидеть за кустом и слушать. В этом моё предназначение.

— Ладно, — не скучай, — воскликнула Мава и побежала.

Ей просто захотелось побегать. Некоторое время она бежала, бежала... Потом её догнали два шарика — довольно крупные и явно упругие, они подскакивали по тропинке, иногда один отлетал в траву, чтобы снова вернуться на...

— Вы кто такие?

— Как? Не узнаёшь? Мы же из жидкого куста.

— А... Вы какие-то большие стали. Когда вы теребили мой хвост, маленькими были...

— Подросли, — сообщили капельки. — Бежим вместе?

— Ага, — резво ответила Мава и совершила длинный прыжок. Такой длинный, что он обособился, сделал хитрую дугу и скрылся за кустами. Шарик рванули было за ним, но скоро вернулись.

— Не догнать.

— И не надо. Пусть живёт своею жизнью. Каждому надо дать такую возможность. Ведь куст не догоняет же вас.

— Он и не сможет, — рассмеялись капельки, — он хоть и жидкий, но жутко привязчивый.

— В смысле?

— Привязан к месту, где находится.

Они прыгали, Мава переходила на бег, шарик перескакивали через неё, взлетали в воздух, сверкая и переливаясь, а потом и вовсе стали подниматься выше и выше.

— Пока, — закричали они, — мы дальше — летать!

И улетели. А Мава остановилась, думая, куда бы ей ещё...

— А здесь, куда ни иди, что-нибудь да приключится.

Гном высунулся из-за куста. Был он в колпачке, камзолчике, панталонах — как и полагается гномам.

— Я думала, ты только в жидких кустах живёшь.

— Я обычные могу в жидкие превращать, — сообщил гном. — Гляди.

Обычный куст заколыхался, заворочался и медленно стал водянеть, наливаясь влагой, в неё оформились его жилки и прожилки, его листья...

— Стой, — сказал гном. — Подлистьев не бывает.

Мава посмотрела на хвост.

— Не бойся, это спокойный куст. Он не роняет капелек, и они не прицепятся к твоему хвосту. Больше одного раза хвост никто не теряет.

— А ты знаешь про...

— Ну да, заяц сообщил.

— А другие гномы?

— Ой, мы толком и не общаемся. Каждый занят своим делом. Один выдувает из коры стеклянные шарики, чтобы они улетали в небо, другой вяжет из травинки изумрудные колечки, открывающие разные щели, третий варит густой сбор...

— Что-то варит?

— Густой сбор, — охотно объяснил гном. — Штука такая волшебная, для чего — и сам не знаю.

— А ты, значит...

— Ну да, я превращаю обычные кусты в водяные.

— А зачем?

— Как зачем? — гном надулся. — Чтобы потом они превратились в обычные.

И правда — куст стал более конкретным, перестал раскачиваться и застыл в обычной разветвленности.

— Ну как?

— Здорово. А заяц так и сидит целый день?

— Ага. Всё слушает, слушает...

— Ты бы превратил его куст в водяной, всё веселей было бы.

— Он не хочет, я предлагал. Ну ладно, пока. Пойду другие кусты превращать.

И гномик, напевая что-то, нырнул в зелень.

Мава вздохнула. Потом улыбнулась. Потом почувствовала, что ей хочется спать. И легла под дубом, уютно накрыв мордочку хвостом. Она заснула. Что приснилось ей? Вероятно, её замечательная прогулка в сказочном лесу. Что же ещё могло присниться Маве, задремавшей в таком чудесном-чудесном лесу? Только это.

Но — только ли? Створки сна раскрылись, и весёлая рожица просунулась в них:

— Как дела? — спросила рожица, облизнувшись.

— Ой, — вздёрнулась Мава во сне. — Кто это?

— Вот бы узнать, — сказала облизнувшаяся рожица, задвинула створки мавинога сна, и исчезла. Мава поняла, что пора просыпаться, и вот пожалуйста, она уже, обвинив тельце хвостом, шебуршит лапками в воздухе — Мава так всегда поступает со сна.

Рожица висела над кустом. Мава поглядела на неё.

— У тебя только рожица? — спросила она.

— Увы, — ответила рожица, и кончики губ её повисли, как шнурочки.

— И... тебе грустно от этого?

— Да не очень, — бодро ответила рожица, и шнурочки вздёрнулись вверх. Рожица выплыла из-за куста и теперь висела возле дубового ствола. — Я могу плавать по воздуху, путешествовать, подниматься к облакам даже — во как!

— Тогда тебе действительно незачем грустить, — сказала Мава.

— Ещё бы! — воскликнула рожица. — Я, как ты видела, даже иногда могу заглядывать в сны.

— И много интересного видала?

— Особенно у гномов — там всякие подземные пещеры, своды, переходы, дворцы...

А у зайца с тремя ушами и во сне тоже самое — сидит себе за кустом и слушает.

— А про слонов ничего не видела?

— Не... про слонов — это надо лететь куда-то далеко-далеко... Я полетела, в общем, пока.

И рожица стала подниматься — медленно, как воздушный шарик. Мава хотела крикнуть ей вдогонку, что видала в лесу хобот, но не стала делать этого — ей-то, рожице, что? Итак, уплыла, улетела то есть, и даже не увидишь, где она — парит над лесом или поднялась уже к облакам, думала Мава, решив двинуться через траву, чьи заросли были здесь особенно высоки.

Мава шла, раздвигая, что можно было раздвинуть лапками, и вдруг один из шариков упруго плюхнулся рядом с нею. Мава поглядела на него и спросила:

— А где второй?

— Упрыгал куда-то. А я вот отрастил ножки и теперь хочу ходить, а не прыгать.

Он плюхнулся и поболтал в воздухе ножками. Маленькие и забавные, они напоминали стручки фасоли с кем-то приделанными пальчиками.

— Не уколешься? — спросила Мава, продвигаясь вперёд.

— Не-а, — уверенно ответил шарик. Он пошёл рядом с Мавой.

— А как же ты говоришь? — спросила она. — Рта-то у тебя нет.

— Я всем собой говорю, — гордо сказал шарик. — А ещё также вижу и слышу. Во!

Он был сиреневый с синеватым отливом.

Некоторое время они шли рядом, густая трава кончилась, показалась тропинка.

— Нет, так не годиться! — воскликнул шарик.

— Что не годиться?

— Ну... в смысле — каждый должен идти своей дорогой. То есть — пока.

И он побежал своей. Дорога изогнулась, сбросила его, и он, несмотря на ножки, откатился к Маवे.

— Верно, нам с тобой по пути.

— Не... не может быть.

Шарик поджал ножки, напрягся и подпрыгнул так высоко, что только пятки сверкнули. Больше Мава его не видела — она не расстроилась, полагая, что в таком чудесном лесу ни с кем ничего плохого случиться не может.

— Вот.

Откуда-то раздалось:

— Кхе-кхе, — но Мава даже не стала интересоваться, кто это. Может быть, состарившиеся часы, упавшие, как плод с дерева, перхают, может, сучок какой — особенно сохлый.

Мава стремилась вперёд, в гущу, в заросли, выходила из них на полянки, где играла в догонялки с лучами и солнечными зайчиками, встречала других гномов, занятых различными своими делами, несколько раз кто-то пробегал или шелестел мимо, а ещё несколько раз Мава выбредала из сказочного леса на обычную его, скучную окраину, но тотчас возвращалась, ибо решила остаться тут жить. А вы бы как поступили?

БУДУЩЕЕ ЛИЛИПУТОВ

Джонатан Свифт возвышался над столом в белом, башнеобразном парике и золотистом камзоле. Он писал. Перо покрывало листы бумаги драгоценными образами, и слова точно оживали, приобретая новые смыслы.

Остановившись, Свифт вглядывался в странную суету возле чернильницы. Лилипут мелко возился там, и воздух закручивался вокруг него тоненькими колечками.

— Но... — удивлённо протянул Свифт, — ты как-то странно одет.

— Ничего удивительного, — ответил лилипут, — я же лилипут из будущего.

Свифт протянул к нему кончик пера, и вдруг...

Мощной волной бесчувственного Гулливера вынесло на берег. Он ещё не знал, что уцелел, просто провалился в мыслительную темноту... А из неё вдруг обозначился выход: Гулливер очнулся.

Он, уже искушённый в разного рода странствиях, провёл рукой по волосам, ожидая подвоха, но не было ничего, ничего. Он приподнялся на локте и увидел делегацию лилипутов — многочисленную весьма. Гулливер сел, озираясь.

— Мы рады приветствовать тебя, человек-гора, — произнёс один из лилипутов в неизвестный прибор.

Прибор усиливал его голос, мощно разносившийся по окрестностям. Гулливер ответил на приветствие. Что подивило его — так это одежда лилипутов: ничего похожего на привычные платья, камзолы, туфли он не обнаружил, на всех было нечто вроде строгих костюмов неизвестного ему фасона.

— Итак, человек-гора, — продолжил главный, по-видимому, лилипут, — мы предлагаем тебе ознакомиться с нашим лилипутским будущим, ибо в прошлом ты уже бывал.

— Значит, я в будущем? — подивился Гулливер.

— Да, но в нашем, — отвечал лилипут.

Гулливер поднялся, убедился, что размеры лилипутов не изменились, но вот город, открывшийся ему...

— Что ж, — молвил Гулливер, — буду рад последовать за вами. Но, — спросил он через мгновение, — ваш император...

— О, что ты, дорогой человек-гора, — отвечал всё тот же лилипут, — никаких императоров у нас больше не существует. Все равны.

— Как же так может быть? — подивился Гулливер, идя за лилипутами по направлению к городу.

— Очень просто. Путём различных умозаключений мы пришли к оному выводу. Теперь мы выбираем правителей посредством всеобщего голосования.

— Но... ведь среди вас есть и глупцы, и преступники. Неужели и они могут подать свой голос?

— Разумеется. Ведь он у них есть. Мы все равны перед правом выбора.

Город напал на них. С Гулливером остался только один лилипут, другие разбежались по делам. Город был большой — со странными, переливающимися стеклом и металлам зданьями, с суетливым движеньем и шныряньем между ними. Гулливер заметил повозки — в чём-то схожие с каретами, но явно отличные от них.

— Это, — предваряя его вопрос, сказал лилипут, — автомобили. Они комфортнее и движутся быстрее.

— И у всех теперь автомобили? — поинтересовался Гулливер, наклоняясь, будто желая подхватить один автомобильчик, чтобы убедиться в его реальности.

— Не у всех, но у многих, — отвечал лилипут. — Жизнь у нас скоростная, надо поспевать за нею.

На стене одного из домов вспыхнула плоскость, на ней замелькало изображение — некто патлатый, в рваной майке дико завывал что-то под гитару.

— Кто это? — дёрнулся Гулливер удивлённо.

— Это наша звезда, — с гордостью отвечивал лилипут.

— Звезда? — не поверил Гулливер. — Я полагал, звёзды на небе.

— О, что ты! — воскликнул лилипут. — Звёзды живут среди нас, и мы поклоняемся им.

— И все они так орут?

— Только некоторые. Другие снимаются в кино или говорят речи.

— А что такое кино? — любопытствовал Гулливер.

— Кино — это альтернативная действительность, данная на плёнке, — объяснил лилипут.

— И что же запечатлевается на этой плёнке?

— Погони, стрельба, убийства, казни, — старательно перечислял лилипут.

— Постой-постой, — прервал его Гулливер удивлённо, — зачем же показывать это?

— Для веселья, — отвечал лилипут. — Жизнь такая серая, скучная, что смотреть на кровавые приключения — одно удовольствие...

— А те, кто говорят речи?..

— А, они несут всякую всячину, — не дожидаясь окончания вопроса, отвечал лилипут. — Обещают, как правило, горы всего, чтобы их выбрали.

— То есть врут?

— Ну да. Но красиво, с задором. Им и верят.

— Странная у вас жизнь, — произнёс Гулливер, глядя сверху на однообразные дома, вытянутые почти в его рост, дома, сверкавшие стеклом, скрывавшие в себе иступлённое движенье.

— Что же главное у вас? — спросил Гулливер.

— Как что? — тут уж удивился лилипут. — Конечно, деньги.

— Опять? И чем же тогда ваше будущее отличается от вашего прошлого...

— Ну как чем, — засипел лилипут, — вон мы сколько всего навывдумывали: компьютеры, телевиденье, автомобили...

Возможно, он ничего и не сипел.

Возможно, и Гулливера не выбрасывало в будущем.

Просто Свифт, глядя в окно, томится однообразьем человеческих возможностей...